

Марк Ришир

Контингентность властителя

Мэтр французской феноменологии Марк Ришир использует философский термин контингентность (не-необходимость) для понимания природы власти. Ревизия привычных понятий о суверене и тиране — авторская дань гуссерлевской «проницательности».

Профессора

08.11.2012 // 👁 943

© Serge Picard

Согласно той <политической> вульгате, которая веками распространялась по свету, общество без государства, то есть без всего аппарата власти, осуществляющей принуждение — это общество, живущее в ситуации анархии. Термин «анархия» нужно понимать буквально — люди живут как дикари, без религии и без закона, и поэтому никак не могут считаться обществом, но только ордой, быть может, животным стадом, не знающим установлений (*institution*). Следует сказать, что в этой концепции, которая есть нечто большее, чем идеология, власть принуждения и, прежде всего, исключительная власть одного человека над всеми мыслится как учредительная (*instituant*) для всего общества (*social* — букв. «общественного», «общественной жизни» — пер.). Но уже Пьер Кластр показал, что не только общества, существующие без государства, должны быть признаны обществами, но даже и те, которые враждуют с государством. К ним нужно отнести не только те общества, в которых большая часть событий (рождение, переход к взрослому состоянию, брак, болезнь, смерть), все действия и все появления символически кодированы, но также и те, вполне институтивные, в которых есть только один шифр — шифр власти. Такая власть не есть средство принуждения, не есть просто более высокое положение руководителя, но она есть власть более чем высокого положения. Глава такой власти пользуется привилегиями, включая жен и богатство, но только в обмен на дарование речи и «жалований» членам группы — он же требует лишь признания своего величия, и более ничего. Эти слова не образуют никакого обязательного порядка, равно как и богатство такого рода нельзя сберечь — чтобы речь и богатство не стали инструментами коррупции, каковая вообще часто захватывает огосударствленные общества. Именно так и было в обществах,

Уникальность как оправдание

"«Оправдывает ли Россию ее уникальность?» — задает вопрос автор уважаемого сетевого портала. Да, всех стран по две, три или четыре, а Россия только одна! Но если подумать, заголовок не так абсурден..."

Александр Марков
Гуманитарный наблюдатель

Осип Манделштам и Михаил Гефтер как политические мыслители. Часть 1

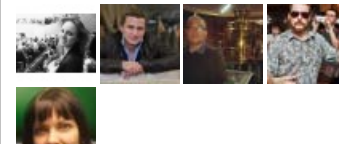

Совместная дискуссия Манделштамовского общества и интернет-журнала «Гефтер», 14 февраля 2013 года.

Интернет-журнал «Гефтер»

👍 Нравится

1 923 пользователям нравится Интернет-журнал «Гефтер».

Follow @gefтер_ru 175 followers

Жизнь без убеждений охотно превращается в суету, от умения

которых в наши дни вроде бы больше не существует. Социальная жизнь, равно как и политическая жизнь, при таком типе символического обмена осуществлялась институционально, а не государственно (никто не мог осуществлять выбор вне института): главное, надо было исключить появление того или иного члена группы как способного осуществить фактическое господство. А фактическое господство тогда мыслится только как овладение другими — через террор, соблазнение, или и то и другое. В этом смысле Кластр и говорит о том, что общество может не принимать никакой государственной власти и быть обществом.

Напротив, в огосударствленных обществах господствует один человек — мы называем его властителем (*Despote*), употребляя термин, не синонимичный ни тирану (незаконному правителю), ни королю (власть которого узаконена родословной и существующими установлениями). Такой властитель осуществляет, с опорой на помощников (придворных, военных), власть принуждения над обществом. Управление государством подразумевает сосредоточение богатств, которые взимаются одновременно с местного населения через налоги и с соседних земель во время войн, которые чаще всего оборачиваются грабительскими. Общество тогда делится на «грандов» (властитель и его окружение) и «народ», как всех остальных. В такой системе государственным делам всегда угрожает расстройство: из-за соперничества, заговоров, сплоченных действий несогласных и даже гражданских войн, о чём мы скажем свое слово ниже. В этом рок власти: монархия, власть единственного человека, оказывается вписана в рамку анархии.

В рамках такой схемы, практически не учтенной политической антропологией (только Пьер Кластр обратил внимание на эту <противоположность двух типов обществ>), представляется невозможным превращение «обществ против государства» в «общества внутри государства». Также очень трудно понять, какие из этих обществ были раньше, а какие возникли потом. Ведь речь на самом деле идет о структурной, а не о фактической конфигурации. Тогда эти общества устойчивы, но они могут существовать в нашем мире только благодаря контингентности. Нужна, по крайней мере, контингентность властителя, без которой рушится и исчезает всякая контингентность «обществ против государства»; когда такие общества превращаются даже не в муравейники, потому что муравьи — тоже символические животные.

Прежде чем мы исследуем, что в данной схеме означает «контингентность властителя», мы должны сказать несколько слов о том, что должно быть признано контингентностью внутри символических установлений «обществ против государства». В этих обществах работает одна идея, один тип мысли: мифическое мышление. Мифы могут находиться в употреблении до бесконечности, у них нет автора — как в наших обществах нет авторов у анекдотов. Мифам предназначено быть этиологическими: «объяснять» ту или иную подробность символического установления. При этом нужно учитывать, что все эти подробности вовсе не признаются чем-то внешним по отношению к нам, но считаются наиболее естественными для нас явлениями. Герои и мифологические персонажи оказываются в одном реестре с нами, — и всё же нельзя сказать, что их всех просто впили в одно жилище. При этом не существует никакого «глобального» мифа, который мог бы «объяснить» глобальную символическую обустроенность (*institution*) мира; ведь миф — не учредительный принцип общества, но само символическое учреждение, теряющееся во тьме далекого прошлого. Поэтому всякий рассказ выявляет только какую-то одну сторону мифа: локальность, а не глобальность. Все предпосылки мифологического мышления предельно отдалены от выводов из мифа, и поэтому необходим некоторый резкий переход от уже представленного к уже установленному. Мифы образуют здесь своего рода «трансцендентальный выбор» множественности, а также ту отправную точку, по отношению к которой все последующие эпизоды будут контингентными, будут случайными в той мере, в которой появляется неопределенная множественность всех возможных происшествий. Это предполагает, что мифы не обладают в себе никакой необходимостью и никакой роковой направленностью: сама природа рассказа, то есть, можно сказать, «анекдотический» аспект мифа — вовсе не объяснение вещей, равно как и не легитимация какой-либо связи, потому что все связи уже осуществлены символическим порядком. В мифе нет разграничения между реальным и нереальным (вымышленным), в этом смысле миф сродни сновидению, — но есть лишь разграничение между повседневным и исключительным. Любой случай в мифе отражается так, что он определяет счастье

*выгодную или нищую.
Россия — страна
пробудившихся
безумцев. Следующим
надлежит стать
нормально
бодрствующими.*

Михаил Гефтер. Из «Спустя семь лет (из блокнотов)»

Самое читаемое за месяц

Серж Халими
Тирания одного процента

2 381

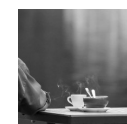
Редакция
Гуманитаристика будущего?

2 242

Глеб Павловский
Антропология зла: будущее и пережитое

1 266

Глеб Павловский
Беседа первая. История с биографией. Причина действия в политике (часть 1)

1 157

Редакция
Лучшее будущее для мира

702

ТЕЗАУРУС

Сталин	(9)
Октябрь 1993-го	(7)
история	(7)
Горбачев	(4)
десталинизация	(4)

или несчастье человеческого состояния. Мифы вовсе не образуют никакого «содержания вероучения», потому что они, собственно, не о богах, но о «культурных героях». Единственная связь мифа с практикой — способность мифа затягивать петли ритуалов, просто чтобы придать этим ритуалам тот смысл, который у мифа отнимешь только с последней каплей крови. Кластр хорошо написал, что жестокость ритуалов инициации есть не что иное, как материальное записывание закона на живой плоти, будто ножом, прямо в духе рассказа Кафки «В исправительной колонии». Наконец, если задаться вопросом о происхождении структуры мифического рассказа, то обнаружится, что функция таких рассказов — нейтрализовать, насколько возможно, контингентность мифа. Это может быть усложненная регрессия к самому началу, сведение всего к стародавним явлениям, которые сами нуждаются в комментариях. Вообще, нейтрализация (ее не надо путать с подавлением) возникает как переворачивание регрессии: образуется поиск, прогрессия, развертывание повествования, «успех» мифа, заключающийся в «хорошем применении», в «гармонии богов». Именно боги вводятся для того, чтобы переиграть события или чтобы добавить дополнительные эпизоды, которые свяжут миф с соседними мифами.

Из всего сказанного понятно, что мысль мифа всегда направлена против Единого. Будучи до конца продумана, она делает тирана и тиранию невозможными (разве что в сказочном виде господаря джунглей ягуара), так как любая тирания пробивает брешь в тотальности символического установления социального мифом. Тиран приходит, чтобы утвердить себя, и это самоутверждение всегда тождественно насилию, а не какому-либо порядку. Такое насилие «неслыханное» в самом буквальном смысле, потому что его невозможно предвидеть, это совершенно контингентная сила, с которой мифу делать нечего. Но насилие не может возникнуть как некий абсолют вне общества, потому что иначе общество не примет его — Наполеон станет вещью политики только когда он в порядке вещей. Недостаточно быть Наполеоном, чтобы быть императором. Требуется еще одна вещь, не обязательно сложная, но непременно опознаваемая: это соблазнение и «террор при основании» («учредительный ужас», *Terreur Fondatrice*). След этого ужаса-соблазна прослеживается в любой революции, если понимать революцию как смену формы правления и правящего лица, неминуемую во всех огосударствленных обществах. Дерзкая гордыня [гибрис] властителя должна иметь в себе нечто, что вбирает в себя контингентность, чтобы власть опознавалась с любого расстояния.

Появление властителя (тирана двойной легитимации — он пытается утвердить и легитимировать себя как король, и в своем королевском сане скатывается в деспотизм, и после в тиранию) — вне сомнения, событие, основополагающее в истории. Нужно просто иметь в виду, что история — это не просто бывшее и сбывшееся, которое наблюдается во всех обществах. Этнологи не могут заниматься историей, потому что они всякий раз имеют дело с событиями, которые дают о себе знать внезапно. Иначе говоря, история свойственна только огосударствленным обществам, она всегда — история фундаментальной неустойчивости; и в той мере, в какой властитель помогал обществу развиваться, такой режим оказывается суровым и жестоким. Это режим гордыни (гибрис), излишеств, чрезмерности, войн внутри (гражданских войн) и войн вовне (как мы уже говорили, это чаще всего войны разорительные и грабительские). Устойчивое положение дел, гражданский мир в истории занимает только краткие периоды. Но если деспотизм держится как институт на безудержном насилии тирана, то это неизбежно приводит к охлократии и анархии. Но страсти толпы непостоянны, и сама толпа вырождается, разлагается, развращается, а не рождается — поэтому на смену властителю идет новый тиран, неожиданно происходит переворот. Это означает, что, несмотря на то, что властитель себя легитимирует как король (он возводит свой род к богам и утверждает свои права как права божественного происхождения), власть принуждения, которой король считал себя обладающим, исчезает за одно мгновение: если не он, то один из его потомков теряет власть. Можно сказать и по-другому: место власти всегда исчезает — оно никогда не бывает занято вполне. Можно говорить о контингентности «занятия места», при котором ничего нельзя поделаться с той фундаментальной неустойчивостью, о которой мы только что говорили. Это хорошо видно на примере тех властителей, которые покончили со всеми несогласными. Например, Плутарх делает загадочное замечание о Цезаре: «Эта его страсть (жажда всё большей славы — М.Р.) была ничем иным, как своего рода ревностью по отношению к самому себе: он соревновался с собой, как будто с

кем-то другим, и это была того рода ревность, которая, удовлетворив себя, уже этим самым остается неудовлетворенной». (Параллельные жизнеописания. Цезарь 58, 5). Именно такова внутренняя жизнь властителя (в данном случае уже откровенного тирана), что с полным правом и называют «обезуметь от власти». Ничто не удовлетворяет властителя, всегда в нем есть *Spaltung* [расщепление], нарушение меры, движение ради движения: как будто его «я» захвачено фантомом его «я». Контингентность не может уже быть нейтрализована, потому что она повсюду. Ее метастазы распространяются по всему организму общества, вызывая те же помешательства.

Такой характер власти, дающей иллюзию устойчивости в мире ложных сущностей, показывает, что всякая власть стоит на пересечении различных сил — игр и политических соперничеств разной меры запутанности. Запутанные они, потому что в дело всякий раз запущена любовь к власти, но сразу же, как любитель власти пошел к ней в рабы, научился ненавидеть, чтобы охранять свое же вождение от своих ненавистников, тотчас безоглядно возникают различные формы противодействия, несогласия и подрыва существующей власти. Пытаясь изучить эти явления, бедствующие общества пытаются раскрыть и реальное устройство властных отношений, и символические узы между обществом и государством. Мы придерживаемся здесь точки зрения Клода Лефорта, пытаюсь пойти несколько дальше, чем он. Мы утверждаем, что само место власти пустое, дрожащее на ветру, призрачное в любом обществе. Из этого следует, что любое общество — политическое, существует ли оно как противник государства или, напротив, во всем поддается государству. В таком контексте мы остаемся с тем, что современная демократия, по сути, предстает регулятором, более-менее кодифицированным, обманчивого характера и обманчивых проявлений власти. Просто власть начинает встраиваться в периодическую ре-легитимацию «занятия власти»; так что можно если не избежать, то, по крайней мере, смягчить и «цивилизовать» неустойчивость власти (в широком смысле — революции), которая не перестает пульсировать прямо перед нами. Исторический опыт показывает, что такое регулирование недостаточно для стабилизации государства и общества. Опыт последнего времени, даже последних лет, показывает, что политическая система этого типа может даже прогнать изнутри, так что никто не знает, как ее отремонтировать — а все попытки лечить приводят лишь к тому, что болезнь оказывается запущена до крайности.

Прежде чем мы сочтем нашу миссию выполненной, нам нужно сказать несколько слов о процессах легитимации огосударственных обществ: о той работе мысли, которая сопровождает их учреждение. Перед нами параллельные векторы преобразования и переработки, более или менее упорядоченной, мифической и мифологической мысли с целью обосновать, с опорой на мифы, тот божественный порядок, на котором будет держаться всякий глобальный человеческий порядок. Не было королей, которые бы не считали себя потомками божества; это и обеспечивало трансцендентный характер власти, происходящей из тьмы веков и нисходящей до нынешних наследников. Все конфликты, все нестроения должны были быть всякий раз (и раз и навсегда) урегулированы теми, кто по воле божества получил свое звание и знание — кто мудр для справедливого правления, кто ценит свой королевский титул. Как и в случае мифологии, можно говорить о «трансцендентальной дедукции» (в псевдо-кантовском смысле) власти как узла единения мифического поля и беспредельного хаоса, в котором и рождается общество. Это не мешает, как мы видим в «Илиаде», излагать конфликты между героями в терминах конфликтов между богами; тем более что конфликты бывают взаимными, и действие богов бывает тоже взаимно-действием. Так как тираническая гордыня [гибрис] лежит в основе любого государства, то и требуется легитимация тирана в качестве короля через символическое учреждение (institution) божественного порядка. Это порядок в среде богов и в отношениях между богами. Боги в символическом смысле — короли, правящие в своей области. Их насилие, вполне близкое по духу людскому насилию, должно быть укрощено или приостановлено жертвоприношением. Жертва, как святыня, в ситуации насилия только и позволяет получить доступ к трансцендентности того или иного бога. Всякий бог, и тем более король богов — есть в свою очередь трансцендентный образ властителя; поэтому всякая неустойчивость в жизни государства и общества может быть зрительно пропущена через страсти и неожиданные (или, лучше сказать, контингентные) капризы богов. С богами можно совладать только через культ и ритуал, да и то никогда не известно, чем это закончится. Проблема неустойчивости — это проблема стершихся письмен: никогда легитимация не бывает непрременной и беспеременной.

Напротив, чем сложнее становится система, в силу самой природы символического порядка, тем больше становится плоскостей игры и возможностей для уловок. Как бы там ни было, институционализация религии содействует еще большей институционализации государственного общества. Правление короля всегда до некоторой степени — вещь политико-теологическая. Речь здесь не идет, по причине сложности вопроса, об идеологических субститутах религии в демократических странах, в которых никогда не говорится только о возвращении к окончательно приглаженной имманентности, но требуется раскрытие последней истины о положении человека, о том «режиме добра», в котором только и можно жить.

Вернемся к институционализации движения к тирании и к вопросу о контингентности властителя. Классическая политическая мысль, как и историография, установила, что тирания рождается из охлократии, что «власть» возникает из гущи народных масс, когда народ как таковой морально разрознен из-за многочисленных злоупотреблений власти и коррумпированных отношений. Анархия (не в смысле «анархизма» как политической программы, а в смысле полного безвластия), о которой говорят как об угрозе, от которой якобы спасает сильная власть, на самом деле есть продолжение сильной власти. Ошибочно думать, что если государство и общество разлагаются, о чем нам сообщают историки, то государство будет здоровой частью общества. Великая заслуга Пьера Кластра состоит в том, что он показал, как государство, в котором власть принуждения направлена на все общество, так, что от нее не спрятаться, вовсе не обязательно приводит к цивилизованной жизни, к жизни в обществе, иначе говоря, жизни людей не как диких зверей. Такой онтологической необходимости нет и не будет; и даже если мы не можем понять, откуда берется тирания, нам достаточно иметь в виду контингентность властителя. Мы попытались показать, что такая же контингентность есть и в совершенно другой «системе», в обществах, которые обходятся без государства и противостоят ему. Мы выдвигаем гипотезу, которую пока не можем доказать: что общества, противостоящие государству, так же точно вырождаются и разлагаются, как государственные общества, и именно при таком распаде и может, хотя и не обязательно должна, возникнуть фигура тирана. Этот процесс сходен, если не совпадает, с тем, что мы наблюдаем в государственных обществах. Внутренний распад, становящийся невыносимым, происходит или из-за изменения положения военных, или из-за демографической экспансии, или даже из-за некоторых предзнаменований будущих событий, или вообще из-за какой-либо катастрофы в природном мире. Наша гипотеза пока метафизическая и требует дальнейшего подробного обсуждения: человеческая природа неведома до конца, но известно только, что она может дойти до небывалых жестокостей. Существуют предельные ситуации, когда подчинение тирану, всегда невольное, оказывается лучшим выходом, чем смерть. И если контингентность властителя приводит только к ужасающей неустойчивости этого предела, с которой не справится ни одна символическая кодификация, — то понятно без слов, что такая кодификация, как символическое установление, позволяет людям уподобиться богам как учредителям права. Тогда изначальная множественность установлений только и может рассматриваться как часть внутреннего становления человека, о котором мы и свидетельствуем. Символическое не может просто декларироваться, но оно всегда осуществляется на деле, приближая будущее; потому что без символического никто не будет знать, что ему делать. Ведь все доводы, которые он будет приводить себе, будут мнимыми до тех пор, пока он сам не станет частью осуществляемого дела. В истории нет никакого смысла, но есть множество уловок, нанизанных как бусы на действующую нить событий, размотанную в реальном действии.

Источник: <http://www.laphenomenologierichirienne.org>

Tweet

Комментарии

Sorry, the browser you are using is not currently supported. Disqus actively supports the following browsers:

[Firefox](#)

[Chrome](#)

[Internet Explorer 8+](#)

[Safari](#)

© Михаил Гефтер: история и политика, 2011-2013.

Дизайн и верстка - Ивар Максудов

[О проекте](#) [Партнеры](#) [Контакты](#)